

МАЛАЯ КНИГА С ИСТОРИЕЙ

ГЕРОИ И МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

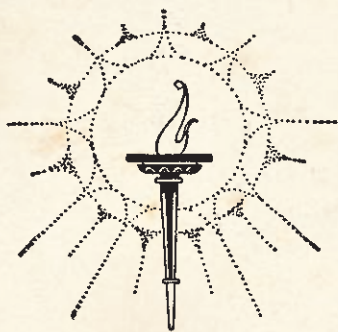
в пересказе Натаниэля Готорна

ИЛЛЮСТРАЦИИ
АРТУРА РЭКХЕМА
ВИРДЖИНИИ ФРЭНСИС СТЕРРЕТТ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА
2023

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Автор этих историй давно убедился в том, что классические мифы легко преобразовать в замечательное детское чтение. Что он и сделал в этой книге, переработав пять древнегреческих мифов. Правда, для этого пришлось обойтись с ними достаточно вольно.

В предложенном здесь варианте они, наверное, действительно потеряли свою классическую статью (да автор и не гнался за тем, чтобы её сохранить), и при этом обрели налёт готики или романтики.

Натаниэль Готорн (15 июля 1851 года)

ЗОЛОТОЕ КАСАНИЕ, или ИСТОРИЯ ЦАРЯ МИДАСА

Давным-давно жил да был очень богатый человек, который к тому же был ещё и царём, а звали его Мидас; у него подрастала маленькая дочурка, о которой никто, кроме меня, никогда не слышал – или о ней просто позабыли. А поскольку я люблю давать девочкам странные имена, назову-ка я её Настурцией.

Больше всего на свете царь Мидас любил золото. Свою царскую корону он ценил прежде всего потому, что она была сделана из этого ценного металла. Если и было на свете хоть что-то столь же или более ему дорогое, так это девчурка, которая весело играла возле отцовского трона. Вот только чем сильнее Мидас любил свою дочь, тем сильнее ему хотелось новых богатств. Он, глупец, считал: лучшее, что он может сделать для своего дитяти, – это завещать ей огромную-преогромную груду жёлтых блестящих монет, такую, что больше её не видывали с самого сотворения мира. Этой затее он и посвящал все свои мыс-

ли и всё своё время. Стоило ему взглянуть на закатные облака с золотистой кромкой, он тут же начинал думать, как было бы хорошо, если бы они оказались из настоящего золота и их можно было бы надёжно упрятать в его сундук. Когда к нему подбегала маленькая Настурция с букетиком из лютиков и одуванчиков, он говорил:

– Да ну их, дитя моё! Вот будь эти цветы из настоящего золота, а не просто золотого цвета, тогда их стоило бы рвать!

Впрочем, надо сказать, что в молодые годы, когда его ещё не обуяла безумная страсть к богатствам, царь Мидас очень любил цветы. Он посадил сад, где росли самые крупные, красивые и нежные розы, какие человеку когда-либо доводилось видеть или нюхать. Розы эти по-прежнему украшали сад, столь же пышные, дивные и благоуханные, как в те времена, когда Мидас мог целыми часами смотреть на них и вдыхать их аромат. Но теперь если он и бросал на них взгляд, то с единственной целью: подсчитать, сколько бы стоил этот сад, если бы каждый из бесчисленных розовых лепестков был тонким листочком золота. И хотя когда-то царь очень любил музыку (несмотря на все дурацкие рассказы про его уши, которые, если верить этим домыслам, напоминали уши осла), единственной музыкой, которой теперь внимал несчастный Мидас, было позвякивание одной монеты о другую.

В конце концов (ведь люди делаются всё глупее и глупее, если не принимают мер к тому, чтобы становиться мудрее и мудрее) Мидас дошёл до такого неразумия, что ничего, что не было бы из золота, не мог воспринимать ни на вид, ни на слух, ни на ощупь. И вошло у него в привычку проводить большую часть

однако же, кажется, что в то самое утро на завтрак подали горячие булочки, вкусную мелкую речную форель, жареную картошку, отварные яйца и кофе для царя Мидаса, а ещё мисочку хлеба с молоком для его дочери Настурции. В любом случае то был завтрак, достойный царского стола, – съел его Мидас или нет, неважно, важно, что предложили ему самое лучшее.

Маленькая Настурция ещё не появилась. Отец распорядился, чтобы её позвали, и, усевшись за стол, дождался дочку, не начиная есть. Нужно отдать Мидасу должное – он очень любил свою дочурку, а в то утро любил её особенно сильно, потому что ведь на него свалилось такое золотое сокровище. Немного прошло времени, прежде чем он услышал, как она идёт по коридору и горько плачет. Его это очень удивило, потому что Настурция была на удивление жизнерадостным человечком – такого увидишь не в каждый летний денёк, а слёз она за целый год проливала не больше напёрстка. Услышав её рыдания, Мидас решил немедленно утешить маленькую Настурцию приятным сюрпризом: перегнувшись через стол, он дотронулся до дочкиной мисочки (а она была фарфоровая, расписанная красивыми фигурками) и превратил её в сияющее золото.

Настурция медленно открыла дверь и шагнула в комнату – глаза закрыты передничком, и всё рыдает, будто сердце сейчас разорвётся.

– Деточка моя ненаглядная! – вскричал царь Мидас. – Да что же это с тобой приключилось, в такое-то ясное утречко?

Не отнимая передника от глаз, Настурция протянула к отцу ручонку, в которой держала одну из роз, недавно превращённых Мидасом в золото.

ОН ТЩАТЕЛЬНО ОБОШЁЛ ВСЕ РОЗОВЫЕ КУСТЫ,
НЕУСТАННО ПРИКЛАДЫВАЯ К НИМ СВОИ
ВОЛШЕБНЫЕ ПАЛЫЦЫ

– Красота какая! – воскликнул её отец. – И что же в этой прекрасной золотой розе такого, что заставляет тебя плакать?

– Ах, папочка! – откликнулась девочка сквозь рыдания. – Ничего в ней прекрасного, я в жизни не видела такого уродливого цветка! Я, как только оделась, побежала в сад – сорвать тебе роз; я же знаю, что ты их любишь, особенно те, которые принесёт твоя дочурка. И вот же, вот же! Что, как ты думаешь, произошло? Какое несчастье! Все дивные розочки, которые так сладко пахли и так красиво цвели, взяли и испортились! Смотри, как они пожелтели – вон хотя бы даже эта, она больше совсем не пахнет! Что с ними такое произошло?

– Пф, дочурка моя дорогая, перестань плакать! – сказал Мидас, которому стыдно было признаться, что это он виновник перемен, которые так расстроили дочку. – Садись и ешь хлеб с молочком. Ты без всякого труда обменяешь эту золотую розу (которая, кстати, не завянет много сотен лет) на обычную, которая уже через день засохнет.

– Да мне совсем не нравятся такие розы! – воскликнула Настурция, с презрением отбросив золотой цветок. – Она без запаха, а лепестки колют мне нос!

Девочка села за стол, но её так поглотило горе по погибшим розам, что она даже не заметила, во что превратилась её фарфоровая мисочка.

Мидас тем временем налил кофе в чашку, и, понятное дело, когда он поставил кофейник на место, тот уже был не металлическим – или каким ему там положено быть, – а золотым. Про себя Мидас подумал, что для царя с его скромными вкусами это едва ли позволительная роскошь – завтракать на золотом серви-

зе, после чего принялся ломать голову, как бы теперь безопаснее спрятать своё сокровище. Не поставишь же в обычный кухонный буфет такие ценные вещи, как золотые мисочки и кофейники.

Погрузившись в эти мысли, он поднёс к губам ложечку с кофе и попытался глотнуть, но с удивлением обнаружил, что едва его губы коснулись кофе, тот превратился в расплавленное золото, а спустя мгновение застыл!

– Ха! – воскликнул Мидас, слегка опешив.

– Что такое, папа? – спросила маленькая Настурция, взглянув на отца. В глазах её по-прежнему стояли слёзы.

– Ничего, дитя моё, ничего, – ответил Мидас. – Кушай молочко, а то остынет!

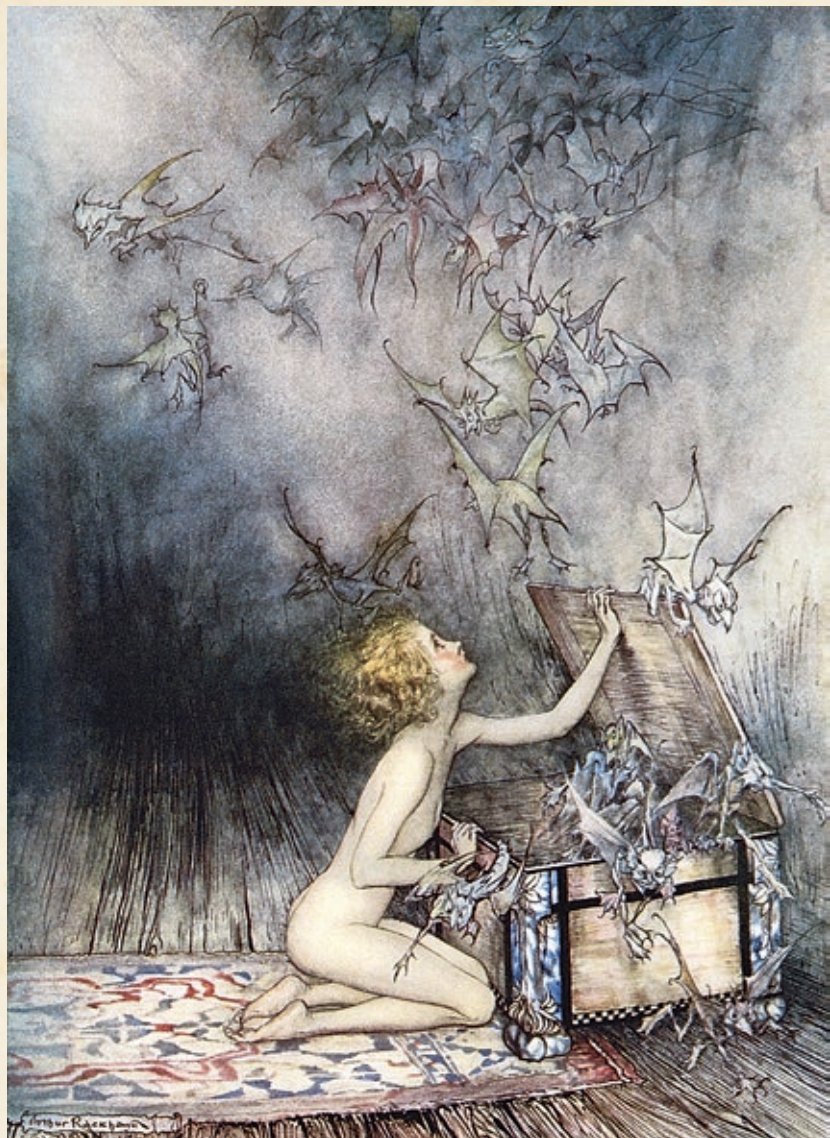
Он взял с тарелки форель и, в качестве эксперимента, дотронулся пальцем до её хвоста. К его ужасу, из искусно зажаренного лакомства она тут же превратилась в золотую рыбку – причём не в такую, каких иногда держат в круглых аквариумах ради украшения гостиной. Нет, это была настоящая металлическая рыба, причём выглядела она так, будто её сделал самый ловкий золотых дел мастер на свете. Косточки её стали золотой проволокой, хвост и плавники – тонкими золотыми пластинками; на ней даже остались следы от вилки, и выглядела она как нежная, с толком зажаренная рыбка, точно повторённая в металле. Прекрасное, как вы догадываетесь, произведение искусства, вот только царь Мидас в тот момент предпочёл бы настоящую форель этому изысканному и ценному предмету, лежавшему у него на тарелке.

«Совершенно непонятно, как же мне теперь позавтракать», – подумал он.

долго говорить. Одним словом, в том ящике было заперто всё, что с тех пор терзает тела и души человеческие, – потому-то его и отдали на хранение Эпиметею и Пандоре, чтобы все эти пакости не причинили счастливым детям нашего мира никакого вреда. Если бы Эпиметей с Пандорой сделали, как им велено, всё прошло бы хорошо. Никто из взрослых никогда бы не грустил, ни единая слеза не скатилась бы из глаза ни одного ребёнка – с того момента и до нынешнего.

Однако – кстати, вы, надеюсь, поняли, что дурной поступок одного-единственного смертного может стать страшной бедой для всего мира – Пандора подняла крышку этого злосчастливого ящика, а Эпиметей повинен в том, что не остановил её, а потому все эти Беды получили доступ в наш мир, а выгнать их обратно всё никак не получается. Как вы легко догадались, двум детишкам не удалось удержать этот омерзительный рой в своём домике. Хуже того, они тотчас же распахнули настежь окна и двери, чтобы поскорее от него избавиться; понятное дело, крылатые Беды тут же разлетелись по свету и стали терзать и мучить детишек повсюду – ещё много дней ни один из них ни разу не улыбнулся. А что самое интересное, все цветы и все свежие бутоны на земле, которые до того момента никогда не вяли, начали через день-другой засыхать и сбрасывать листья. А дети, которые раньше оставались вечными детьми, начали день ото дня становиться старше и скоро превратились в юношей и девушек, а потом в женщин и мужчин и в стариков – не успев даже оглянуться.

А тем временем виновница этого Пандора и виновник Эпиметей остались в своём домике. Обоих

ТУТ МИМО НЕЁ ПРОНЁСЯ РОЙ КАКИХ-ТО
КРЫЛАТЫХ СУЩЕСТВ

чтобы поднять тяжёлый камень, под которым лежали меч и сандалии, и отправиться в Афины искать своего отца.

– Сын мой! Сын мой! – вскричал царь Эгей, отшвыривая прочь роковой кубок, на неверных ногах спускаясь с трона и падая в объятия Тесея. – Да, это глаза Эфры. Это мой сын!

Я совершенно не помню, что случилось с королевскими племянниками. Но злобная Медея, увидев, как обрачивается дело, поспешила прочь из царских покоев и, войдя к себе, незамедлительно принялась колдовать. Через несколько мгновений за окном её спальни слышалось змеиное шипение и свист, и глядь – перед ней предстала её огненная колесница, запряжённая четырьмя крылатыми ящерами, извивающимися и сплетающимися в воздухе, разметавшими хвосты над самыми крышами дворца и готовыми отправиться в путешествие по воздуху. Медея задержалась лишь ненадолго, чтобы забрать с собой сына и захватить камни из короны, лучшие царские одежды и другие ценные вещи, которые попались ей под руку, после чего она взобралась на колесницу, хлестнула крылатых змеев и вознеслась высоко над городом.

Царь Эгей, услышав змеиное шипение, поспешил, как только мог, к окну и прокричал вслед мерзкой колдунье, чтобы она никогда не возвращалась. Все жители Афин высыпали из своих домов посмотреть на удивительное зрелище и разразились дружными криками радости, потому что избавились от злобной ведьмы. Медея, вне себя от ярости, шипела так же, как и её змеи, только в десять раз более ядовито и злобно; в своей сверкающей колеснице она свирепо вскинула руки, словно рассыпая на головы жителей миллион

ОНА ВЗОБРАЛАСЬ НА КОЛЕСНИЦУ,
ХЛЕСТНУЛА КРЫЛАТЫХ ЗМЕЕВ
И ВОЗНЕСЛАСЬ ВЫСОКО НАД ГОРОДОМ

Случилось так, что Талос, бронзовый гигант, как раз приближался к этой части берега в своём нескончаемом сторожевом обходе, и они заметили его благодаря мерцанию лунных лучей на его полированном туловище, пока он был ещё далеко. Поскольку фигура эта двигалась, как часы, не ускоряя своих огромных шагов и не замедляя их, гигант появился в порту, когда они были уже вне досягаемости его дубины. И всё же, широко шагая, по своему обыкновению, с мыса на мыс, он попытался ударить по кораблю дубиной, потерял равновесие и во весь огромный рост плюхнулся в море, подняв фонтан брызг, как перевернувшийся айсберг. Там он и лежит по сию пору, и если кто-нибудь пожелает добыть меди, пусть отправляется туда с водолазным колоколом и выуживает Талоса.

На пути к дому четырнадцать юношей и девушек были, как легко представить, в великолепном настроении. Они по большей части проводили время в танцах, если только боковой ветер не слишком кренил палубу. И вот в положенное время вдали возник берег Аттики, их родной страны. Но, как ни горестно мне об этом рассказывать, тут произошло трагическое недоразумение.

Вы, конечно, помните (а Тесей, к несчастью, забыл), что его отец, царь Эгей, повелел ему поднять паруса солнечного цвета вместо чёрных, если он одолеет Минотавра и вернётся с победой. Однако, радуясь своему успеху, среди игр, танцев и прочего веселья, в которых молодые люди проводили время, они ни разу не задумались, какого цвета над ними паруса – чёрные, белые или радужные, – и целиком предоставили матросам заботиться о том, есть ли над ними хоть

какие-то паруса. Так судно и вернулось, как ворон, с теми же чёрными крыльями, что уносили его прочь. Бедный царь Эгей день за днём, невзирая на нездоровье, взбирался на вершину утёса, нависшего над морем, и сидел там, высматривая, не возвращается ли домой царевич; и, едва увидев чёрные паруса, он тотчас заключил, что дорогой сын, кого он так любил и которым так гордился, съеден Минотавром. Мысль о дальнейшей жизни была ему невыносима; поэтому, швырнув корону и скипетр в море (они были для него теперь никчёмными безделушками!), царь Эгей ринулся вниз головой с утёса и утонул, несчастный, в волнах, пенящихся у его подножия.

ГЕРОИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Это было горестное известие для царевича Тесея, который, ступив на берег, оказался правителем своей страны, желал он того или нет. Такого поворота судьбы достаточно для молодого человека, чтобы упасть духом. Однако он немедленно послал за своей дорогой матерью в Трезен и, следуя её советам в государственных делах, стал превосходным монархом, которого очень любили подданные.

